

Андрей Львович Ливадный

Форма Жизни

Аннотация

Загадочная новая форма жизни — что она несет человечеству? Гибель или бессмертие? Странная серебристая плесень, атаковавшая механизмы и поселенцев колонии на Марсе, поставила под угрозу планы экспансии могущественной корпорации. Ее шеф, Майлер фон Браун, решил разобраться с этой напастью по-своему...

Освоение космоса не временное увлечение человечества, а неизбежный этап его эволюции...

Феликс Юрьевич Зигель.

Пролог

Стартовые площадки девятого марсианского космопорта и товарно-сортировочный комплекс располагались вдали от поселений, в зоне, которой еще не коснулось планетное преобразование.

На фоне унылого, мертвого, коричневатого-рыжего пейзажа каменистой пустоши, протянувшейся от горизонта до горизонта, тщательно выровненные и распланированные квадраты посадочных мест казались чужеродными вкраплениями.

Так оно, по сути, и было.

Люди пришли сюда недавно, но обосновывались прочно, на века.

Надпись у въезда гласила:

"Корпорация Дитрих фон Браун".

Неподалеку возвышались
роботизированные
рудоперерабатывающие комплексы.
Между космическим портом и
промышленной зоной постоянно
курсировали грузовые
магниторельсовые поезда.

Сегодня прибыли три транспорта,
доставившие богатый металлами
лунный реголит. Разгрузкой
занимались кибернетические
механизмы. Они сканировали
доставленную с Луны породу, отметили
очень высокое содержание металлов, —
кое-где даже виднелись небольшие
серебристые кляксы, похожие на
застывший расплав.

Человек бы насторожился, увидев
такое, но сервам было все равно.

Содержимое прибывших с Луны
контейнеров вывалили под открытым
небом, на технической площадке перед

перерабатывающим заводом.

Доставленный реголит тускло поблескивал. Его основу составляли слепленные в комки микроскопические гранулы. Лучи далекого солнца скупо освещали необычный груз, и гранулы под воздействием тепла постепенно начали видоизменяться, обрели текучесть, просочились вглубь.

Прошло три месяца, и на перерабатывающем заводе внезапно произошла необъяснимая техногенная катастрофа, уничтожившая автоматические комплексы и повлекшая за собой цепь странных, трагических событий.

Часть первая

Глава 1

Земля, 2395 год...

Все началось в тот день, когда закончилась ее жизнь.

Смерть была не физической, а моральной, но сам процесс от этого стал лишь более жутким, не потеряв ни капли своей мучительной сути.

Длинный белый стерильно пахнущий коридор, по обе стороны которого тянулись вереницы плотно закрытых дверей, казался ей бесконечным.

Мари шла по блестящему, дочиста вымытому полу, и ее не покидала испуганная мысль, что звук шагов, такой гулкой и неприятный, может потревожить кого-нибудь за этими дверями.

Она еще не понимала происходящего, ее испуганное, сжавшееся в трепещущий комочек сознание инстинктивно отталкивало реальность, словно это могло хоть как-то помочь...

Человек, который шел впереди, остановился. Он был на голову выше Мари, шире ее в плечах и старше, но все особенности его лица и фигуры скрадывал мешковатый белый костюм с прозрачной маской, сквозь которую были видны лишь его серые глаза.

— Ты готова? — участливо спросили его невидимые губы, скрытые раструбом дезинфекционно-дыхательного аппарата, и в этот миг Мари впервые ощутила, как потаенные интонации чужого голоса вдруг открываются рассудку, словно перед ней развернули огромный белый лист, на который черным криком печатных букв были нанесены его настоящие мысли:

"Мне все равно... Я каждый день вижу это и больше не могу сопереживать. Только не ори и не падай в обморок, ладно?" — вот о чем думал

он, произнося участливые слова...

Рассудок Мари на миг помутился.

Она не хотела туда, не могла сделать последний шаг, отделяющий ее от страшной окончательности, но попятиться, кинуться прочь также не нашлось сил. Она стояла, считая гулкую вечность секунд, а подбородок уже мелко, предательски дрожал...

...Она все же нашла в себе силы задавить дрожь, кивнуть, и тогда он толкнул дверь.

Их прихода явно не ждали.

Помещение, куда они попали, оказалось длинным и узким. Всю стену напротив входа занимали холодильные шкафы, расположенные, как ячейки в хранилище банка, одна над другой, рядами по десять дверец, и каждая с табличкой, на которой мелкими букашками застыли нечитаемые от входа буквы.

Две дверки в противоположных концах ячеистой стены были открыты, а их содержимое, в виде длинных носилок, на которых лежали синеватые обнаженные тела — мужское и женское, — выдвинуто наружу.

Она не закричала и не упала в обморок, лишь машинально вцепилась в руку сопровождающего с такой силой, что у него хрустнуло в запястье.

Стол с обнаженным мужским телом располагался всего в метре от нее.

Мари смотрела на труп выцветшими глазами, принявшими в этот миг водянистый оттенок страха и инстинктивного неприятия смерти. От трупа веяло холодом, его грудь была распорота наискось и вновь зашита грубыми стежками, без следа крови в тех местах, где игла пронзала мертвую плоть.

Кроме разреза и шва, что стягивал

его края, на животе и груди молодого парня виднелись синевато-черные отметины, расположенные в ряд...

"Автоматная очередь", — угадал разум Мари, и эта ледяная мысль внезапно обожгла сознание, открыв лазейку для настоящего ужаса.

— Уберите! — глухо прозвучал голос сопровождающего. Он резким, раздраженным жестом затолкнул носилки внутрь ячейки и закрыл обметанную инеем дверку. Двое медиков, облаченные в защитные костюмы, поспешно задвинули труп женщины в стену-холодильник.

— Оставьте нас.

Мари казалось, что сейчас она отдаст все, лишь бы получить возможность выскользнуть прочь, вслед за двумя безликими фигурами в белом, но...

— Сюда, пожалуйста...

Кто бы знал, чего ей стоил

один-единственный шаг... Ноги
одеревенели, словно их свело
судорогой...

Щелчок. Тихий шелест
направляющих роликов, лязг
сработавших фиксаторов.

Она смотрела в сторону, в стену.

— Мисс Лаймер, вы должны
опознать тело, — чужая рука,
облаченная в мягкую ткань защитного
костюма, коснулась ее запястья. — Мне
очень жаль, но это обязательная
процедура...

Только бы не задохнуться...

Вставший в горле комок не давал
дышать, но, как выяснилось, можно
справиться и с этим, а предчувствие не
всегда бывает острее самого события...

Вдох... Выдох... Поворот головы...
Мелкая дрожь в губах, деревянное
напряжение мышц.... Ее вмиг
посеревшее лицо, отразилось в

отполированном металле
хирургического инструмента,
разложенного на столике с
колесиками...

Выдвижные носилки покрывала
ткань, смягчая контур заключенного
под ней тела, делая его неузнаваемым.

Ей захотелось крикнуть "Нет!", но
мужчина уже взялся за уголок
синтетического савана и начал
медленно убирать его.

В этот миг сердце Мари
остановилось.

Он был весь обожжен. Оцепеневший
взгляд девушки скользил по
изуродованной плоти, выхватывая
леденящие подробности мучительной
смерти: кожа на лице почернела и
полопалась, губы сгорели, обнажив
зловещий оскал желтоватых зубов, а на
подбородке, ближе к кадыку, чудом
сохранился участок нетронутой кожи, и

на ней росла щетина...

Ноги Мари подкосились, она медленно начала оседать на пол.

"Отец?!" — взорвалась в голове тоскливая мысль.

Что-то задержало падение, чужие руки обхватили ее за талию и плечи, но движение вышло грубым — ее больно встряхнули, приводя в чувство, и резь в пояснице проникла в сознание вместе с резким запахом нашатыря...

— Я... сама...

Собственный голос казался незнакомым, шелестящим, сиплым, словно это не она произнесла короткую фразу, а осенний ветер протащил по асфальту несколько скорчившихся, пожухлых листьев...

Чтобы не закричать, она сжала зубы с такой силой, что челюсти начали неметь. Машинально вцепившись в край носилок, Мари стояла, глядя на

тело отца, не в силах оторвать взгляд от его изменившихся черт, от кукольной напряженности обгоревшего лица и клочка этой нелепой щетины на подбородке... Взгляд скользнул ниже, — шею перечеркивала тонкая, почерневшая, обезображенная небрежно наложенными стежками линия.

Голову пришили к туловищу?!

Дикость происходящего не укладывалась в сознании. Она отказывалась ассоциировать обгорелый труп с самым родным человеком на земле... Этого просто не могло происходить с ней!

— Мисс Лаймер, вы должны официально опознать погибшего, — ворвался в ее мысли глухой голос. — Вы подтверждаете, что перед вами Френк Моррис Лаймер? Вот ознакомьтесь, это сравнительный

анализ ваших ДНК. — Он протянул ей лист распечатки с заключением экспертов.

Мари продолжала смотреть на неровно наложенный шов.

Сопровождающий подождал несколько секунд, потом опять взял ее за руку и повторил свой вопрос.

Она кивнула, действуя словно в полусне, едва ли понимая, чего от нее хотят на самом деле.

— Как это случилось? — наконец выдохнули ее дрожащие губы.

— Я не знаю, — служащий морга развел руками. — Вы же понимаете, в связи с последними событиями в колонии сюда попадает множество тел, но далеко не все могут быть вывезены на Землю. Большинство родственников хотели бы, но не имеют возможности получить останки своих близких, а вы...

— Я хочу знать, что случилось с отцом! — она продолжала смотреть на шов, а ее дрожащие пальцы вдруг соскользнули с поручня и случайно коснулись мертвой кожи.

Ощущение острое, шоковое, словно удар электрического тока.

Боже...

Под пальцами ощущалось нечто ледяное, обладающее твердостью и одновременно — упругостью...

Мари отдернула руку, резко повернулась к человеку в белом, и тот невольно сделал шаг назад. Должно быть, выражение ее лица испугало видавшего виды сотрудника морга...

— Ну?.. — Ее голос снова предательски дрогнул, и эта интонация дрожащей беспомощности немного разрядила обстановку.

— Я не могу дать вам исчерпывающих объяснений, —

торопливо заговорил он, желая поскорее закончить формальности. — Вам следует подписать акт опознания, а все остальные бумаги, в том числе и официальные объяснения, вы получите в офисе корпорации вместе с личными вещами вашего отца и деньгами, причитающимися ему по контракту...

Он все что-то говорил, говорил, но Мари уже не слышала его.

Это случилось. Она увидела отца и позволила внушить себе, что он мертв, хотя взгляд не узнавал изуродованных черт... Лист распечатки с данными сравнительного анализа ДНК дрожал в ее руках, но Мари даже не заглянула в текст заключения экспертов. Грубая реальность надломила ее разум, разрушив все зыбкие перегородки надежд, которые она строила и лелеяла в душе с самого утра, после того, как ей позвонили и с вежливым участием

сообщили о трагедии и предстоящей процедуре опознания.

Боже... Отец мертв уже полтора месяца? Столько ведь требуется космическому кораблю на перелет от Марса до Земли? А я ждала его звонков, ничего не зная...

Мир вокруг нее внезапно схлопнулся, словно Мари окутал черный кокон безвременья.

Она выполняла какие-то действия, действительно подписала предложенную бумагу, силясь, но не сумев прочесть ее, потом ей опять стало плохо, и из-за этого момент прощания с отцом вышел смазанным, нечетким. Когда взгляду вернулась резкость восприятия, носилки уже задвинули на место, ячейку закрыли, а просить повторения процедуры у Мари не хватило духа.

Ее тело продолжало жить, а рассудок

заледенел, перестал адекватно реагировать на реальность.

Губы шевелились, с них слетали односложные слова, билось сердце, но это уже нельзя назвать жизнью...

В коридоре ее поджидал незнакомый мужчина, одетый в темный костюм.

Он взял мари под руку, словно давний знакомый.

— Нас ждет машина, — лаконично сообщил незнакомец, поймав вопросительный взгляд ее покрасневших глаз.

Мари была раздавлена, дезориентирована, она потеряла всякое ощущение пространства и времени... По сути, в эту минуту ей было все равно, куда и с кем идти. Ледяной холод, комом застывший в груди, продолжал расти.

Погрузившись в свое безысходное состояние, она почти не реагировала на

окружающие события. Салон автомобиля, мелькание уличных огней за тонированным окном — все это скользило по периферии сознания, не проникая в разум, и очередной раз она очнулась лишь в момент, когда ее вежливо пригласили выйти.

Выбравшись из уютного сумрака автомобильного салона, Мари подняла взгляд и поняла, что стоит на площади перед ультрасовременным небоскребом, по фасаду которого в сгущающихся сумерках то и дело пробегала ослепительная надпись:

"Корпорация "Дитрих фон Браун". Межпланетные перевозки, колониальные проекты, разработка внеземельных рудных месторождений".

— Нам сюда, — ее провожатый ненавязчиво взял Мари под руку и повел к входу в здание.

* * *

Помещение, куда привели Мари, напоминало стандартный офис, только очень больших размеров. Посередине стоял Т-образный стол, вдоль него выстроились массивные старомодные кресла.

Сейчас тут находились четыре человека.

Один из них нервно расхаживал вдоль стола, второй стоял у приоткрытого окна, третий просматривал электронные документы, поступающие на тонкий прозрачный голографический планшет, а четвертый сидел, погрузившись в тяжелые раздумья.

Мари мгновенно узнала Майлера фон Брауна — сегодняшнего главу корпорации.

Дверь тихо клацнула, затворяясь за

проводатым, и все присутствующие невольно обернулись на звук.

Фон Браун встал. Они когда-то встречались, мельком, на одном из приемов, куда брал ее отец.

— Мария... — его голос прозвучал глухо в ватной тиши кабинета, — я попросил привезти тебя сюда, чтобы лично выразить свои соболезнования. Твой отец значил для нас очень много, и мы...

Терминал, расположенный справа от кресла главы корпорации, вдруг издал серию тонких тревожных сигналов. Дейвид Мошер, вице-президент, которого Мари также знала в лицо, покосился на экран, раздраженным жестом отклонил вызов, но плавное течение скорбной речи Майлера уже было безнадежно скомкано.

Мари вдруг ощутила смертельную тоску. Все происходящее казалось

фарсом. Они не могут так говорить об отце, не могут соболезновать ей, потому что сами не испытывают и сотой доли той потрясенной скорби, которая ледяным комом застыла в ее груди.

— Как это произошло?.. — Она нашла в себе силы задать вопрос, хотя каждое слово давалось с трудом.

— Это был несчастный случай, — ответил Майлер, взяв со стола тонкую прозрачную папку.

— У него отрезана голова... — тихо произнесла Мари.

Фон Браун вздрогнул, но тут же усилием воли подавил эмоции.

— На заводе, произошел взрыв, — негромко произнес он. — Кроме твоего отца, пострадали еще десятки человек, и некоторых из них действительно пришлось собирать по кускам... — он осекся, заметив, что силы вот-вот

покинут измученную Мари, не стал продолжать — просто протянул ей папку.

Она взяла ее похолодевшими, дрожащими пальцами.

— Тут официальный отчет, все необходимые тебе документы и кредитная карта... — он скорбно вздохнул. — Твой отец проработал в корпорации двадцать лет, и мы не хотим, чтобы ты нуждалась хоть в чем-то.

Мари не нашла сил ни на возражения, ни на благодарность.

Наступила неловкая пауза. Тишина казалась тягостной, осязаемой.

— Если тебе что-то понадобится, обратись к моему секретарю, вот визитная карточка. Мы все сделаем, уверяю тебя.

Мари машинально кивнула. Ей не хотелось находиться тут. Она не

понимала, почему принесенные этим человеком соблезновения так сильно ранят ее и, вообще, отчего проявленное к ней участие причиняет боль?.. Трудно было дышать... Хотелось поскорее уйти отсюда. Она взглянула на фон Брауна, с трудом заставила себя кивнуть, и пошла к двери.

— Почему вы не сказали мне сразу?.. — спросила Мари, уже находясь на пороге.

Очевидно, Майлер фон Браун ждал чего-то подобного и потому ответил, не задумываясь, заранее заготовленной фразой:

— Мы не хотели обрекать тебя на муку полуторамесячного ожидания, пока корабль с телами погибших возвращался на Землю.

Формулировка была гладкой, обтекаемой, дежурной, но у Мари уже не осталось сил на уточняющие

вопросы.

Дверь за ней закрылась, тихо клацнув старомодным замком.

* * *

Фон Браун несколько секунд смотрел на затворившуюся дверь, потом резко обернулся.

— Ну? — Его взгляд неприязненно скользнул по лицам собравшихся. — Что там еще стряслось?

— Мы только что потеряли связь с автоматикой атмосферного процессора, расположенного в пятнадцати километрах от эпицентра, — ответил ему Дейвид Мошер.

— Черт... — Майлер вернулся в свое кресло. — Толмачев, почему это происходит?!

Человек у окна медленно обернулся.

— У меня нет комментариев, —

глухо признал он.

— Почему? — Фон Браун продолжал сверлить его тяжелым взглядом.

Анатолий несколько секунд медлил с ответом, но все же решился высказать правду:

— Я занимаюсь не своей работой, — пояснил он. — Прошло две недели, как я принял дела от покойного Френка Лаймера, но большую часть времени меня заставляли лгать и изворачиваться перед прессой.

— А кто должен это делать?! — вступил в разговор молчавший до сих пор Ганс Бюрге, пресс-секретарь корпорации, все это время расхаживавший по кабинету. Он остановился напротив Толмачева и внезапно ткнул его пальцем в грудь. — Вы несете ответственность за пятьдесят шесть жизней и не пытайтесь увильнуть от этого!

Дейвид Мошер с интересом обернулся. Тучный, низкорослый Бюрге никогда не вызывал у него особых симпатий, а сейчас казался и вовсе отвратительным. Нужно запомнить, что он первым начал поиск козла отпущения в заваривающейся на глазах каше...

На лице Толмачева поверх бледности выползли пунцовые пятна, но Бюрге продолжал давить его пальцем в грудь.

— Меня рвут на куски эти шакалы из прессы, они хотят крови, а что я им должен ответить?! — напирал он. — Без комментариев?! Пятьдесят шесть трупов — без комментариев?! — Голос Бюрге вдруг сорвался на визг.

— Я не несу ответственности за взрыв на заводе! — огрызнулся Толмачев.

— Ну-ка заткнитесь, оба! — рявкнул на них Майлер.

В кабинете мгновенно наступила мертвая тишина.

Бюрге, который поперхнулся готовой слететь с губ фразой, так и остался стоять с открытым ртом, глядя на главу корпорации, и в его влажном взгляде угадывались два чувства: страх и неприязнь.

За двадцать пять лет Ганс успел поработать с тремя фон Браунами, не считая нынешнего и его жены Кейтлин, которая руководила корпорацией всего два года. Уживаться с людьми, удерживающими в руках бразды правления доброй половиной европейского континента, было нелегко, но Майлер, по мнению Бюрге, своей жесткой деловой хваткой переплюнул всех предшественников вместе взятых.

Нынешний глава корпорации ошибочно именовался в прессе

представителем десятого поколения знаменитой фамилии, на самом деле он не был прямым потомком Дитриха фон Брауна, основавшего корпорацию в конце двадцать первого века, а унаследовал бразды правления десять лет назад, получив их от своей жены после громкого краха проекта "Европа"...

"Бедная Кейтлин", — подумал Бюрге, ежась под тяжелым взглядом Майлера. Все эти годы он в таких ситуациях вспоминал почему-то именно ее — бездарную и безвольную, заведшую корпорацию в тупик и поставившую ее на грань банкротства...

— Я вызвал вас сюда, господа, не затем, чтобы слушать взаимные нападки, — нарушил его мысли голос Майлера. — А ваше нытье, Бюрге, мне просто осточертело.

— Но погибшие, господин фон Браун... Их семьи, общественность...

— Меня не интересуют жертвы, меня интересуют деньги! — мрачно произнес Майлер в своей обычной резкой и лаконичной манере, которую неискушенные оппоненты часто воспринимали как недалекий цинизм. — Те деньги, которые вбиты мной в колониальный проект! — продолжил он свою мысль. — Мне надоело выслушивать статистику убытков и перечень мелких катастроф, будто на Марсе нами построена не колония, а карточный домик, который вдруг начинает расползаться и рушиться у всех на глазах! В чем причина, господа? Кто может разумно объяснить мне происходящее?

Толмачев почувствовал, что взгляд фон Брауна опять направлен на него.

— Техника выходит из строя под

внешним воздействием, — не поднимая головы, ответил он. — Все началось с необъяснимого взрыва на заводе, и теперь, если взглянуть на динамику, то станет очевидно — зона, где происходят внезапные поломки и катастрофические разрушения, расширяется в виде окружности со скоростью от ста до трехсот метров в сутки. Из-за приказа об изоляции очага поражения и режима строгой секретности я не смог получить ни одного образца неисправной техники для серьезных исследований...

После его слов в кабинете на некоторое время установилась тишина, нарушить которую решился Бюрге:

— Мне нужны четкие указания, какие сведения я могу предоставлять прессе?

Поймав тяжелый взгляд фон Брауна, Ганс мысленно пожалел о своей

инициативе и поспешил добавить:

— Они действительно рвут меня на части... Я не понимаю, зачем мы вообще дали ход информации по катастрофе, неужели ее нельзя было замять на месте?

Вместо фон Брауна Гансу ответил Мошер:

— Бюрге, ты, верно, забыл, что взрыв произошел на границе с сектором концерна "Новая Азия"? — напомнил Дейвид, вертя в пальцах дорогой портсигар. — Они подняли вой, и мы были вынуждены протащить тела погибших через земной карантин, чтобы убедить всех, что произошла обычная промышленная катастрофа. — Он поднял взгляд на Бюрге. — Вот и действуй соответствующим образом! Никаких комментариев относительно сегодняшнего положения дел, — там произошел промышленный взрыв,

виновные будут выявлены и наказаны в ходе внутреннего расследования. Корпорация приносит соболезнования и выплачивает компенсации семьям погибших. Все остальное — без комментариев, понял?

— Да.

— Вот и хорошо. Теперь я хочу выслушать тебя, Анатолий. — Мошер, решив взять инициативу в свои руки, обернулся к новоиспеченному главному инженеру корпорации. — Твои обиды и недоумения мы поняли. Больше тебя не будут привлекать для общения с прессой, — пообещал он. — Сейчас меня интересует, что ты узнал, изучая материалы, оставленные покойным Френком? Неполадки начались за два месяца до этого взрыва, и он, насколько я знаю, отправился на Марс, чтобы лично проверить какие-то свои гипотезы. Ты изучил его бумаги?

— Да.

— Что ты понял из них?

На лице Анатолия отразилась мгновенная борьба чувств.

— Я не люблю делать преждевременные выводы, — наконец произнес он. — Френк Лаймер предполагал, что сбои в работе автоматики связаны с микроскопическими чужеродными включениями, которые были обнаружены в энергоемких узлах, там, где присутствуют сильные магнитные поля. Серебристые пятна неправильной формы толщиной от миллиметра до нескольких микрон — вот все аномалии, которые удалось зафиксировать до взрыва. Среди рабочих это явление успело получить название "ртутная плесень". Некоторое время пятна просто соскабливали с кожухов генераторов, не придавая им

должного значения. Френк в своих заметках полагал, что эти пятна являются результатом жизнедеятельности неких неизвестных науке микроорганизмов, которые разрушают или каким-то образом преобразуют металлы, что, в свою очередь, приводит к поломкам механизмов.

— Поэтому он решил вылететь на Марс? — неприязненно предположил фон Браун. — Хотел совершить открытие?

— Не знаю, — развел руками Анатолий. — Я думал, его командировка была санкционирована...

— Ладно, — перебил его Мошер. — Это уже не твой вопрос. Если причиной взрыва на перерабатывающем комплексе явилось разрушение защиты генераторов, то как мы можем защитить уцелевшее оборудование и

остановить распространение аварий?

Толмачев нервно передернул плечами.

— В своих записях Френк особо акцентировал внимание на том, что плесень появляется в местах, где присутствуют высокие энергии. Мне кажется, что в свете сегодняшней ситуации спасти положение может только полное отключение всех действующих систем. Мы ежедневно теряем важные узлы управления, из-за этого происходит разрушение коммуникаций. Если сейчас, немедленно отключить оборудование нашего сектора колонизации, то можно спасти семьдесят процентов капиталовложений, но это чисто техническая рекомендация. — Он посмотрел на фон Брауна, который внимательно слушал его.

— Мы не можем вести дела таким

образом! — возмутился Бюрге. Он резко обернулся, посмотрев на Толмачева так, словно там стоял не человек, а злой демон. — Корпорации "Дитрих фон Браун" принадлежит большая часть всей планетопреобразующей техники и систем контроля над атмосферой Марса! Их отключение приведет к гибели огромного количества людей, ведь мы не сможем эвакуировать оттуда более тысячи человек в месяц!

Майлер фон Браун слушал диалог, больше похожий на перебранку, продолжая тяжело размышлять о своем.

Десять лет назад он принял корпорацию от своей жены Кейтлин в плачевном состоянии. Все основные активы находились в тот момент в проекте "Европа", который, вероятно, казался его предкам беспроектной аферой, но жизнь рассудила по-своему,

проект провалился, и ему пришлось буквально по миллиметру вытаскивать крупнейшую корпорацию Европейского Союза из финансовой пропасти. Воспоминания тех лет были слишком болезненны и поучительны, чтобы он мог позволить себе еще раз потерять основную часть активов. Здесь в игру вступали такие деньги, на фоне которых резко обесценивалось все, вплоть до человеческих жизней, и он понимал, что действовать нужно решительно, пусть и болезненно.

— Что мы реально имеем на сегодняшний день? — так и не придя к конкретному мысленному решению, спросил он.

Анатолий понял, что отвечать опять предлагают ему.

— Зона поражения с заводом в ее эпицентре локализована и составляет окружность радиусом в двадцать

километров, — сообщил он. — Ежедневно на три километра вглубь этой территории производится термическая зачистка. Пока что удалось сохранить режим секретности, выдавая все за эксперименты по преобразованию атмосферы, но цепь мелких аварий продолжает развиваться внутри зоны отчуждения. — Толмачев покосился на компьютерный терминал и добавил: — Потеря связи с автоматикой атмосферного процессора только подтверждает серьезность ситуации...

— Потеря связи грозит катастрофой? — спросил фон Браун.

— Нет, — ответил Анатолий и тут же пояснил: — Предполагая развитие поломок, мы ввели все системы в режим глубокой консервации еще неделю назад. Реактор заглушен и может находиться в таком состоянии

как минимум год без вмешательства и контроля извне.

Фон Браун опять задумался, потом посмотрел на собравшихся и сказал:

— Я пока не готов принять окончательное решение. — Он перевел взгляд на Бюрге. — Ганс, держи прессу на коротком поводке. Я понимаю, что теперь, после прибытия корабля с телами погибших, это будет нелегко, но в твоём распоряжении достаточно средств, чтобы заткнуть пасть особо говорливым и выиграть для нас еще немного времени. Было бы идеально, чтобы шум вокруг катастрофы на Марсе вообще заглох. — Взгляд фон Брауна переместился на Толмачева. — Анатолий, подготовь все оборудование в радиусе пятидесяти километров вокруг зоны к аварийному отключению. Сколько оттуда до следующего процессора по переработке

атмосферы?

— Сто километров, — ответил Толмачев. — На равном удалении находятся еще три процессора — два принадлежат концерну "Новая Азия" и один русским.

Фон Браун кивнул. Он ни на минуту не забывал о том, что все происходит очень близко от границы трех секторов освоения...

— Мошер, останься. Нам с тобой надо обсудить еще ряд вопросов.

* * *

Хмурые небеса расплакались нудным дождем.

Мари ощутила, как порыв холодного ветра, несущий морось по ущельям улиц, вырвался на простор площади. Она поежилась. Ее взгляд скользнул по фасаду небоскреба, на миг задержался

на хаотичном узоре освещенных окон, потом вернулся назад, к влажному стеклобетонному покрытию улицы.

Над городом быстро сгущались сумерки. Народу вокруг немного, час пик уже минул, а редкие прохожие спешили укрыться от непогоды в остекленных галереях многоуровневых переходов, по которым струились неторопливые ленты эскалаторов.

Шли минуты, а Мари все стояла напротив входа в здание головного офиса "Фон Брауна", пребывая в состоянии ошеломленной, подавленной растерянности. Все вокруг казалось чужим, незнакомым, будто горе, обрушившееся на нее, имело силу видоизменять саму реальность. Мари казалось, что город опустел не просто так, взгляд сквозь наворачнувшиеся слезы делал контуры окрестных зданий мутными, расплывчатыми, а маленькие

фигурки людей, появляющихся и исчезающих за стеклянными стенами переходов, только усиливали ощущение того, что жизнь внезапно потекла мимо, спеша в тепло и уют чужих судеб...

Разум Мари все еще пытался зацепиться за реальность хмурого осеннего вечера, но ее душа, не выдержав удара, надломилась и уже существовала вне этого мира, который внезапно потерял всякую привлекательность и смысл.

...Через несколько минут ее легкая одежда начала промокать, неприятно прилипая к телу, и она медленно пошла к остановке общественного монорельсового транспорта.

В руках Мари сжимала согнутую пополам папку из прозрачного тонкого пластика, внутри которой содержались официальные документы,

свидетельствующие о смерти ее отца...

* * *

Оставшись вдвоем, Мошер и фон Браун некоторое время молчали.

— Ладно, Майлер, давай говорить начистоту, — наконец произнес Мошер, щелкнув портсигаром. — Нравится тебе Бюрге или нет, но он прав — мы не можем действовать определенным образом. Есть черта, за которую нельзя переступать. Остановка атмосферных процессоров повлечет за собой гибель множества людей, и не думаю, что этим мы спасем капиталовложения на Марсе.

Фон Браун, прищурясь, смотрел за окно, мимо Мошера.

— Боишься толпы? — тихо спросил он. — Думаешь, не найдется новых кандидатов на освободившиеся места в

колонии?

— Найдутся. Но ты напрасно недооцениваешь так называемую "толпу". Люди сейчас быстро впадают в крайность, а по всему миру отыщется немало тех, кто недоволен существующей колониальной политикой корпорации.

— И что делать? — Майлер перевел взгляд на своего заместителя. — За последние десять лет в Марсианскую колонию вложено сорок миллиардов евро!

— Да, такими деньгами не шутят, — согласился Дейвид. — Но ты иногда слишком прямолинеен. Нужна толика гибкости.

Фон Браун покачал головой. Мошер всегда удручал его излишней склонностью к намекам и недосказанности.

— Говори прямо, Дейвид.

Мошер прикурил и только затем продолжил развивать свою мысль:

— Мы не виноваты в случившемся, верно? События свалились нам как снег на голову, их никто не мог ни предвидеть, ни тем более предотвратить.

— Дейв, ты решишься преподнести подобные аргументы нашим инвесторам? — раздраженно перебил его Майлер. — Не забывай, что после провала проекта "Европа" мы все еще зависим от денежных поступлений со стороны.

Мошер кивнул.

— Мы говорим об одном и том же. Я лишь хотел подчеркнуть, что эти события, на мой взгляд, больше напоминают стихийное бедствие.

Фон Браун встал. Меря шагами кабинет, он некоторое время тяжело размышлял над создавшейся ситуацией,

ПОТОМ ОСТАНОВИЛСЯ У ВЫХОДЯЩЕГО НА ПЛОЩАДЬ ПАНОРАМНОГО ОКНА И ОБОРНУЛСЯ.

— Два месяца назад нечто подобное в этом кабинете утверждал Френк, — произнес он, глядя на Мошера. — Ты можешь разыгрывать перед Бюрге наивное непонимание, но Лаймер предвидел развитие событий, помнится, даже говорил о том, что нам грозят серьезные проблемы. Как назвал он эту пакость? Внеземной формой жизни? Помнишь, как выторговывал он у меня эту отсрочку, ссылаясь на необходимость исследований? К чему они привели? Он был лучшим специалистом корпорации, причем, что немаловажно, — проверенным специалистом. Теперь он лежит в холодильнике морга, а вместе с ним — целая смена инженеров и рабочих. События непоправимые. Скажи, кому

теперь доверить это дело? Толмачеву, которого трясет, как только он переступает порог моего кабинета? — Фон Браун брезгливо поморщился. — Нужно реально что-то делать, Дейв, иначе корпорацию ждут потрясения еще более худшие, чем в случае с "Европой".

— Послушай, Майлер, я помню разговор с Френком. Он ведь не просто выторговывал время для своих исследований, он, кажется, упоминал о перспективах...

— Из семи спасателей, занимавшихся после взрыва на заводе расчисткой завалов и извлечением трупов, в живых не осталось никого, — резко возразил фон Браун. — Там не было излучения, не зафиксировано никаких бактериологических загрязнений или выбросов ядовитых химических веществ. Спрашивается,

почему они умерли?

— Не знаю, — откровенно ответил Мошер. — Я читал результаты вскрытия погибших при взрыве людей. Это ведь действительно была промышленная катастрофа! — повисив, против обыкновения, голос, напомнил он. — Службы земного карантина не обнаружили никаких патологических изменений во внутренних органах.

— Да, потому что им подсунули исключительно чистые трупы. А семерых спасателей никто не вскрывал, — напомнил собеседнику Майлер. — Туда никто не может войти — техника отказывает, продвинувшись всего на полкилометра вглубь зоны, люди способны проникнуть дальше, но потом связь внезапно обрывается и об их судьбе остается только гадать. Исключением из этого правила стал

только отец бедняжки Мари... — Майлер вернулся в свое кресло и, протянув руку, взял портсигар Дейвида. — Он не погиб при взрыве — его лишь сильно контузило, и Френк сумел продержаться там несколько дней, пешком преодолев двадцать пять километров. — Фон Браун вытащил сигарету, прикурил и спросил, выпуская дым:

— Так кто, по-твоему, сначала поджарил его, а затем отрезал ему башку, если, кроме спасателей, в зону взрыва не проникала ни единая душа?!

Дейвид Мошер некоторое время размышлял над заданным вопросом.

— Один из них, больше некому, — с раздраженной растерянностью в голосе вынужден был признать он. — Труп Френка обнаружили неподалеку от периметра утром седьмого дня после взрыва. Карантинный купол бригады

спасателей уже тогда не отвечал на радиосвязь. Посмотри, вот увеличенные кадры района, сделанные с орбиты в тот злополучный день, когда после восхода солнца охрана периметра увидела тело Френка. — Мошер протянул руку, коснувшись нескольких сенсоров на терминале.

Картинка оказалась нечеткой, расплывчатой, — давало себя знать близость работающего атмосферного процессора, который, помимо вновь образованного кислорода, выбрасывал в небеса специально разогретую углекислотную смесь. Расползаясь в верхних слоях марсианской атмосферы, она образовывала плотный, постоянно подпитываемый облачный слой, необходимый для поддержания парникового эффекта на поверхности преобразуемой планеты. Эта мера была призвана сгладить резкие перепады

между дневными и ночными температурами, и работала весьма эффективно.

Затрудненное наблюдение за поверхностью планеты с ее орбит было одним из характерных неудобств технологии углекислотного облачного щита, но с этим приходилось мириться.

— Вот эти пятна, — Дейвид постучал пальцем по защитному стеклу монитора, — определены как тепловые сигналы человеческих тел. Об этом же свидетельствуют личные радиомаяки, но я делаю упор не на них, а на тепловой отпечаток, чтобы ты понял — они были живы на тот момент, но по непонятной причине ушли из купола и разбрелись кто куда.

— Зачем им было убивать Френка?

— Вот и я все время думаю об этом, — сознался Мошер. — Бедняга Френк ведь почти выбрался оттуда...

Они все спятили, Майлер, много объяснения я не нахожу. Семеро здоровых, тренированных мужиков... — Дейвид сокрушенно покачал головой. — Что заставило их уйти из купола? Почему они разбрелись поодиночке, а потом умерли?

Фон Браун молчал

У него не было ответов на эти вопросы. Единственное, в чем Майлер был уверен на все сто процентов, — это в образе своего мышления. Он являлся главой огромной корпорации, чей бизнес оказался под угрозой. Нужно действовать жестко и решительно, чтобы спасти дело.

Глядя на Мошера, он спрашивал себя: "почему мы тянули полтора месяца, теряя людей и технику, пытаюсь доискаться до каких-то причин происходящего?"

Ответ был прост. Даже им, давно

утратившим все иллюзии в борьбе за деньги и власть, нужно было время, чтобы морально созреть для совершения определенных поступков. Проклятый Марс подспудно давил на психику, напоминая — это не Земля, это колония, космос, внеземелье...

— Тянуть дальше нельзя, Дейвид, — произнес он. — Настало время принимать решения. — Фон Браун откинулся на спинку кресла, глядя на своего заместителя. — Мне кажется, что ситуация складывается слишком непонятным и зловещим образом. Что-то разрушает коммуникации, сводит с ума людей, и это происходит таким загадочным, неординарным образом, что всякие происки третьих лиц можно исключить.

— К чему ты клонишь, Майлер?

— Еще немного промедления, и мы начнем испытывать серьезнейшие

проблемы. Весь марсианский проект под угрозой, и я считаю, нужно воспользоваться советом Толмачева — отключить все оборудование и выждать.

— Неразумно, — отрицательно качнул головой Мошер. — Остановив атмосферные процессоры и заморозив системы жизнеобеспечения, мы лишь ускорим свой конец. Наши клиенты слишком взыскательны, чтобы простить нам такие вольности. Если там по нашей вине погибнут не просто рабочие, а состоятельные люди, колонисты, то в дальнейшем все полетит коту под хвост, даже в том случае, если временное отключение спасет оборудование и остановит процесс распространения поломок. — Он щелкнул портсигаром и добавил: — Анатолий давал технические советы, исходя из доступного ему знания, но

мы-то с тобой не можем питать иллюзий. Ты верно заметил — это не чьи-то там происки, не случайность, не брак комплектующих, в районе действительно завелась неизвестная нам дрянь. Нужно во всем разобраться и устранить причину проблемы — это единственный способ спасти положение.

Майлер слушал его, неприязненно обдумывая каждое сказанное Дейвидом слово. Ему казалось, что вместо мыслей в голове ворочаются тяжелые булыжники...

Вывод напрашивался уже давно, с того дня, как первый дистанционно управляемый робот вполз в покинутый купол спасателей. Там изнутри все было залеплено какой-то серебристой дрянью. Надежнейшая модель сервомеханизма, испытанная в сотнях нештатных ситуаций, проработала еще

двадцать секунд, а потом просто отказала...

Да, они с Мошером прекрасно понимали друг друга и говорили фактически об одном и том же. Фон Браун испытывал в эти минуты мучительное беспокойство, понимая: на Марсе обнаружилось нечто выходящее из ряда вон. Пока все удастся держать в тайне, но что будет, когда история выплывет на свет? Он не являлся ученым и не мог радоваться появлению в его владениях чего-то загадочного. Майлера фон Брауна устраивал лишь тот Марс, к колонизации которого приступили его предки много веков назад: мертвый, пустынный, а потому — полностью предсказуемый.

"Нас обяжут свернуть все работы", — в который уже раз подумал он, — "колония мгновенно превратится в поприще для разного рода

исследований, а мы останемся тут, на Земле, отброшенные назад в своих планах, и будем вести затяжную войну со страховыми компаниями..."

— Майлер, кажется, мы оба созрели для принятия адекватных решений, — произнес Мошер, угадав ход его мыслей. — Выход один: на известном пространстве должно быть уничтожено все, желательно ядерным ударом с орбиты. И сделать это, по возможности, должны не мы — вот на что я намекал, говоря о гибкости. Зачем дразнить спящую собаку? Нужно повернуть дело таким образом, чтобы мы могли не убивать, а спасать людей на Марсе, тогда мы не потеряем ни одного клиента, избавившись при этом от так неожиданно возникших проблем.

Фон Браун внимательно слушал Мошера, то хмурясь, то немного светлея лицом, в зависимости от

ассоциаций, к которым подталкивали его слова Дейвида, но последнее утверждение заставило его фыркнуть:

— Евросоюз никогда не станет бомбить Марс. Ты, верно, бредишь, Дейв.

— Ты не прав. — Мошер глубоко затаился. — Вспомни семьдесят пятый год...

Фон Браун вздрогнул.

Действительно, прецедент существовал.

— Азиатская чума?

— Верно, — кивнул Мошер. — Руины двух городов до сих пор светятся по ночам, не находишь? — Он коснулся сенсора, вызвав на монитор карту интересующего его сектора колонии. — Смотри, вот удобный промышленный поселок, расположенный на территории, принадлежащей концерну "Новая

Азия". Сто пятьдесят километров до нашей злополучной зоны. Постоянное население — тридцать два человека, занятых на обслуживании введенного в строй год назад атмосферного процессора. Что, если там внезапно вспыхнет эпидемия? — Он посмотрел на фон Брауна. — Единственное эффективное средство борьбы с этой мутацией вируса — ядерный удар, а Евросоюз еще достаточно напуган двумя прошлыми вспышками болезни, против которой не нашли реального противоядия.

Майлер покосился на экран. Значит, ты созрел раньше меня, Дейв? Все уже продумал заранее?

Они встретились взглядами.

— Мы не ученые, — произнес Мошер, повторяя те мысли, которые минуту назад посещали фон Брауна, что лишний раз доказывало близость их

взглядов на окружающий мир. — У нас есть конкретные интересы на Марсе, которые нужно защищать. По мне все равно, кто угрожает делу — зарвавшийся конкурент или неизвестный вид инопланетной дряни, — честно сознался он. — Мы живем в жестоком мире, Майлер, где за все надо платить. — Он открыл потайное отделение портсигара и, усмехнувшись, показал уложенные туда шарики янтарного цвета. — Я плачу за все, даже за сон. По пятьдесят евро каждую ночь. И не собираюсь отказываться от своего образа жизни из-за того, что кожухи наших генераторов грызет какая-то микроскопическая тварь. Препятствия нужно убирать с дороги, а эти азиаты — потенциальные свидетели наших неприятностей. Запустим им вирус, и дело можно считать закрытым. В

Европе еще свежи воспоминания о чуме восьмидесятых. Они разбомбят очаг эпидемии или вынудят к этому власти Китая, а вместе с зараженным поселком сгорят и наши проблемы на сопредельной территории.

На минуту в кабинете повисла тишина.

— Нет, — подумав, ответил фон Браун. — Долго и ненадежно. Но основная идея принята. — Мысль Майлера, получив необходимый толчок, работала быстро. Он протянул руку, указав на маркер атмосферного процессора, расположенный рядом с поселком, который имел в виду Мошер. — Думаю, что аварию атомного реактора организовать проще и быстрее. Смотри, — он прочертил воображаемую линию от станции переработки атмосферы, принадлежащей концерну "Новая

Азия", к тому атмосферному процессору, который находился непосредственно в зоне заражения и был, по словам Анатолия, законсервирован еще неделю назад. — Взрыв у новоазиатов накроет и наш процессор, — развил свою мысль фон Браун. — Произойдет второй взрыв, который вычистит зону наших проблем. Мы же останемся вне подозрений, причем не пострадает ни один клиент корпорации — ближайший населенный район удален на четыреста километров, и мы приложим героические усилия, чтобы радиоактивное загрязнение, возникшее по вине концерна "Новая Азия", туда не проникло.

Мошер ответил не сразу. Некоторое время он размышлял, мысленно взвешивая все "за" и "против", поглядывая при этом на компьютерную

карту, потом кивнул.

— Да, это надежнее, — согласился он. — Остается один вопрос: кто станет исполнителем?

Фон Браун помрачнел.

— После недавних событий у нас не осталось достаточно надежных профессионалов на Марсе, — вынужден был признать он. — Дело тонкое, тут нужен специалист высшего класса.

— У меня есть такой человек. — Мошер опять что-то прикинул в уме. — Через три дня с орбиты Земли уходит "Янус". Мы сможем удержать ситуацию еще в течение месяца?

— Думаю, да.

— Тогда вопрос об исполнителе снят. Остается удержать происходящее под контролем и подготовиться к грядущим событиям. Надеюсь, мы переживем этот кризис. Бывало ведь и

хуже, верно?

Фон Браун не ответил. Он опять смотрел в окно, за которым светился огнями город и бесновалась осенняя непогода.

— Одолжи мне одну из твоих пилюль, Дейв... — внезапно попросил он.